

Н. И. Романова
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Христианство – религия книжная [1, с. 170]. Основой христианского мировоззрения служит учение о Слове-Логосе. Именно через Слово шло познание мироздания, его сущностных сил и смыслов. При этом слово воспринималось как языковой знак, в котором двойственная природа позволяет объединить обозначающее и обозначаемое. Такое

представление о природе языкового знака связано исходными представлениями с философией неоплатонизма, развитой на христианской почве на Западе Блаженным Августином, на Востоке – Псевдо-Дионисием Ареопагитом, для которых существовала реальная, внутренне мотивированная связь между обозначающим и обозначаемым. Средневековые всячески подчеркивало и развивало идею иконической природы Слова. Слово так же, как и икона, представляло образ вещи, а «образ есть уподобление, знаменующее собой первообраз», хотя и не буквально с ним совпадающий. Единственный образ, который тождествен первообразу, это образ Христа, сына Божьего. «В целом христианство представляло собой “семиотическую систему” сакральных знаков и жестов, которые должен был знать и понимать каждый верующий христианин» [2, с. 148]. В свете этого представления церковно-славянский язык выступал как «средство выражения богооткровенной истины» [21, с. 336], он обеспечивал связь между образом и первообразом. Вот почему на Руси исправлению богослужебных книг уделялось самое пристальное внимание, ибо форма выражения истины могла быть признана еретической, искажающей сакральный смысл. Но, видимо, в книжных исправлениях до XVII в. единство формы и содержания текста не нарушалось. С исправлением же книг при патриархе Никоне произошел разрыв с книжной традицией. Реформаторы, как носители юго-западнорусской образованности, «отделяют слово от содержания, что и обуславливает возможность употребления слова в переносном смысле. Так, для Стефана Яворского евангельский текст не есть истина. Истиной считается содержание этого текста. Поэтому текст оказался открытым для разных интерпретаций, а истина устанавливается через правильную интерпретацию. Напротив, для носителей великорусской традиции Евангелие и вообще Святое Писание, будучи богооткровенным текстом, есть истина сама по себе, которая принципиально не зависит от воспринимающего субъекта. Сакральная форма и сакральное содержание по самому своему существу не могут быть расчленены, одно предполагает другое. С этой точки зрения истина связывается не с правильной интерпретацией, а с правильным восприятием текста» [21, с. 351]. Поэтому исправление богослужебных текстов ревнителями древнего благочестия было воспринято как искажение богооткровенной истины, как порча. Б. А. Успенский отмечает, что для Запада не было характерно подобное отношение к ошибкам письменной или устной речи, потому этот конфликт может осмысляться как частный момент противопоставления России и Запада, традиций и нововведений (отсюда раскол – семиотический конфликт двух культурных традиций).

Поэтому далеко не за один «аз» восстали против реформы ревнители традиционного православия. В то время люди посещали церковь часто и многие тексты знали наизусть, можно представить их возмущение этим «исправлением» текстов [14, с. 50]. К книжной справе были привлечены южнорусские справщики, киевские ученые монахи, находившиеся под влиянием католической схоластической образованности, и греки-униаты, получившие свое образование в Италии, а в основу образцов были положены новогреческие книги. Это великолепно доказали сами старообрядцы и постоянно указывали на кощунственную порчу текстов.

С течением времени вскрылось много подлогов, совершенных в процессе церковной реформы ее творцами и делателями. Профессор Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенский неопровержимо доказал, что образцами для исправления служили со временные греческие богослужебные книги, изданные преимущественно в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Староверы гораздо раньше доказали, что исправление при Никоне велось по новым греческим книгам, напечатанным в иезуитских типографиях Италии и Франции. Книги эти были заподозрены даже самими греками как искаженные и «погрешительные» [13, с. 87]. Чтобы скрыть этот факт, правщики, фальсифицируя, писали в предисловиях некоторых книг, что исправление проводилось согласно «с древними греческими и словенскими» образцами [Цит. по 14, с. 48]. В наше время

этот факт фальсификации уже не вызывает сомнения. Русские церковные книги со временем еще больше портятся, а дореформенные тексты в сравнении с новыми выглядят более доброкачественными. Опровергается ныне и укоренившийся в прошлом взгляд на испорченность старых книг. Сами староверы говорят о том, что русский народ любил книгу и умел ее беречь как святыню. Малейшая опись в книге, недосмотр, ошибка считались большой погрешностью, именно поэтому многочисленные сохранившиеся до нас рукописи старого времени отличаются чистотой и красотой письма, правильностью и точностью текста. В древней рукописи редко встречаются помарки и зачеркивания. За сто лет до начала церковных реформ Стоглавый собор обратил внимание на состояние богослужебных книг и указал, что в некоторых из них встречаются неисправности только в знаках препинания и некоторые описки. В старых рукописях меньше описок, чем в современных печатных книгах опечаток.

Фундаментом старообрядческой идеологии было знание и цитирование подлинных памятников древнерусской книжности. Отцы староверия были настоящими «грамотеями-книжниками, превосходно владевшими богословской литературой; учителями, имевшими над паствой власть слова и убеждения; деятелями книжной sprawy дониконовской традиции, бережно относившимися как к догматической истине, так и к “батюшке азу”, – многие из них были “преизрядными писцами”, знавшими книгу и с этой ее стороны» [9, с. 93]. Опора на труды учителей Церкви была необходима старообрядцам в полемике с новообрядцами, поэтому старообрядческая литература обладает яркой идеологической насыщенностью и заостренностью. “Прения о вере” красной нитью проходят через всю историю староверия, что и предопределяет постановку вопроса о полемической традиции в старообрядческой культуре, ее истоках и способах трансляции» [11, с. 167]. Старообрядческая полемическая литература представляет большой источниковедческий и археографический интерес, так как содержит самые различные сведения по истории, догматике и характеру многочисленных старообрядческих толков. Сборники, составлявшиеся грамотными старообрядцами на протяжении двух с половиной веков, донесли до нас все многообразие книжных памятников, авторитетных в этой оппозиционной среде и укрепивших ее дух в поисках правды и исторической справедливости.

Старообрядческая «многотысячная армия грамотеев-начетчиков и писцов, любителей и профессионалов» не только продолжала и развивала древнерусскую книжную традицию, но и положила начало русской библиографии, археографии, палеографии, историографии и археологии.

Разворачивалась и широкая археографическая деятельность старообрядцев: староверы нередко описывали цитируемую книгу, указывая ее формат и материал, особенности переплета, тип письма, воспроизводя имевшиеся там записи и даты. Ими описаны такие древности (по исследованию О. К. Беляевой), как, например, Изборник Святослава 1073 г., открытый в 1817 г. К. Ф. Калайдовичем при обследовании Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, а между тем еще в первой четверти XVIII в. оригинал был известен книжникам дяконовского и поморского согласий, отсюда можно заключить, что уже в 1709 г. Изборник находился в этом монастыре. Описаны также Галицкое Евангелие 1144 г., Евангелие 1358 г., Евангелие Новгородского архиепископа Моисея ок. 1359 г., Евангелие 1383 г., Новгородская Кормчая 1280 г., Требник XVI в., Служебник 1397 г. А описание и ссылки на рукописи, такие как Пергаменный Устав 1280 г., Пергаменный Служебник Дмитрия Прилуцкого, Пергаменный Сборник 1424 г. (подчеркнуто мною. – Н. Р.) являются уникальными и последними свидетельствами их существования, так как эти рукописи до сих пор не найдены и, возможно, утрачены. Значительна роль старообрядцев для русской палеографии, на этом материале можно исследовать историю книги феодальной России [3]. На древние рукописи и книги опирались старообрядцы в полемике с новообрядцами. Эта деятельность продолжалась и дальше. Старообрядцы

работали с книгами, хранившимися тогда в библиотеках Петербургской и Казанской духовных академий (в них хранились книги Соловецкого монастыря, пользовавшиеся большой популярностью и авторитетом у староверов), а также в библиотеке Румянцевского музея в Москве, работа над книгой сопровождалась при этом указанием шифров и листов книги. Ф. И. Буслаев, отрицательно относившийся к старообрядчеству и сектантству, и то отдает должное староверам: «Несмотря на все крайности в увлечениях, раскол старообрядчества в истории русской литературы, библиографии и археологии заслуживает внимание исследователя в том отношении, что старообрядцы перечитали множество рукописей и книг и пересмотрели множество икон и церковных утварей и обо всех своих наблюдениях давали письменный отчет и тем полагали начало русской библиографии и археологии...» [6, с. 337].

Библиографическая и археографическая деятельность старообрядцев становилась основой для создания авторских сочинений старообрядческих идеологов, например, таких как Дьяконовские и Поморские ответы. Работа дьяконовских и выговских книжников по выявлению и описанию памятников древнерусской книжности явилась начальным этапом в формировании их палеографических навыков, завершившимся блестящим разоблачением подделок – Соборного деяния на еретика армянина Мартына и Требника Феогноста в Дьяконовских и Поморских ответах [3, с. 12]. Дьякон Александр и его сотрудники рассмотрели выдвинутое епископом Нижегородским и Алатырским Питиримом некое «Соборное деяние на Мартина мниха», явившееся одним из главных доводов против старообрядчества. Собор этот будто бы состоялся в Киеве в 1160 году при митрополите Константине и великом князе Ростиславе Мстиславиче и предал анафеме и двуперстие, и начертание имени Господня «ІСУСЪ», и хождение посолонь, и т. д. – то есть все характерные обрядовые особенности грядущего старообрядчества, точно собор 1160 года за 500 лет предвидел его появление. В действительности же никакого собора в Киеве в это время не было, да и Мартына еретика вообще не существовало. Вот какое мнение о вопросах Питирима и старообрядческих ответах высказал один из самых известных русских специалистов по церковному праву, профессор Московского университета Н. С. Суворов: «Соблазн был не малый, когда обитатель глухих Керженских скитов некий дьякон Александр, разобрал это деяние (на Мартына) *по всем правилам науки, указал исторические анахронизмы, филологические и палеографические несообразности, и доказал* (курсив мой. – Н. Р.) с очевидностью ПОДЛОЖНОСТЬ ЭТОГО “ДЕЯНИЯ”. Соблазн был тем более велик, что заказ на изготовление какого-нибудь подложного документа, могущего служить против старообрядцев, был дан самим Петром, а исполнителем, возможно, явился местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский» [Цит. по 19, с. 62].

Уже с первой половины XVIII в. писатели-старообрядцы предпринимали попытки систематизировать знания об истории и обычаях русского православия, о его виднейших деятелях. В первой половине XVIII в. Семен Денисов составил «Виноград российский» – историческое исследование о св. новомучениках, по всей России пострадавших за старую веру. Вскоре Иваном Филипповым была написана «История Выговской старообрядческой пустыни» по образцу древних патериков. В первой половине XIX в. Павел Любопытный составил «Исторический словарь» виднейших беспоповских деятелей. В начале XX века старообрядцы Древлеправославной Церкви готовились издать «Старообрядческий историко-энциклопедический словарь», который был уже объявлен как приложение к журналу «Старообрядцы» за 1909 г. В начале 80-х гг. XX столетия два известных старообрядческих деятеля – протоиерей Евгений Бобков и председатель московской федосеевской общины М. И. Чуванов, каждый по-своему, начинали сбор материала для старообрядческой энциклопедии [8, с. 3]. И, наконец, в 1996 г. в издательстве «Церковь» вышел первый энциклопедический словарь по старообрядчеству, в котором

представлены история, деятели, символы старOVERия. Авторы-составители С. Г. Вургафт и И. А. Ушаков, опираясь на весь предыдущий опыт, создали оригинальный и уникальный труд, который необходим и профессиональным исследователям и любителям истории и культуры старообрядчества [8].

Все это говорит о высоком уровне книжной культуры старообрядцев. В ранний период истории старообрядчества (60-е гг. XVII в. – 20-е гг. XVIII в.) происходило накопление, собирание, копирование книг, складывались старообрядческие библиотеки. Книжная доминанта действовала «и как идеологический диктат, и как способ фиксации традиционных для культуры текстов» [16, с. 34]. Огромный авторитет книги в этой среде обусловлен был сохранением средневековой книжной традиции, а также экстремальными условиями существования самого старообрядчества. В научном обиходе понятие «старообрядческая книга» довольно широкое, так как включает в себя книгу: а) написанную или изданную в защиту старOVERия или на обличение никониан, б) отразившую старообрядческие догматы и установления, в) переписанную или изданную старообрядцами, г) старопечатную или рукописную «дониконовскую» книгу, бытовавшую в старообрядческой среде. Старообрядческая книга долгие годы была запретной, тайной, попадая к властям, она уничтожалась, а ее держатели жестоко наказывались. Эта «потаенная», запрещенная и гонимая культура низов, как и рукописная книга, воплощением которой она являлась, широко распространилась в народе, выйдя далеко за пределы старообрядческого движения.

Старообрядческая литература своим влиянием охватила более широкий слой крестьянско-посадского населения, чем сама старообрядческая идеология, носителем которой эта литература являлась. Писания первых старообрядцев создавались и распространялись в народе с миссионерскими целями. «Однако даже там, где эти сочинения не достигали своей идеологической задачи – обращение крестьян и мастеровых в “старую веру”, их принимали, читали, переживали, они служили духовным и нравственным ориентиром. В определенной мере, казалось бы, узко конфессиональная литература стала выразительницей настроений русского крестьянства и в то же время продолжательницей древнерусской литературной традиции» [5, с. 6].

Что способствовало столь широкому бытованию старообрядческой книги? Прежде всего, следует помнить, что старообрядческая книга не только сохранялась, но и постоянно воспроизводилась. Многочисленные старообрядческие типографии и скриптории охватили всю страну, книга создавалась везде, где были ее ценители и почитатели – староверы. Книги писались и печатались в строгом соответствии с традицией создания рукописной и печатной книги. Например, многовековая традиция изготовления книжных переплетов, утраченная, как казалось, столетия назад, до сих пор сохранилась и живет у староверов. Современные исследователи встречают старообрядческие книги, недавно переписанные, но по внешнему виду практически не отличающиеся от изданий Московского печатного двора XVI в. – **сшив по тетрадам, деревянные корочки, обтянутые кожей, застежки** [4]. Кстати, застежки на книгах несли определенный смысл, считалось, что если не закрыть их, то книгой воспользуются темные силы, поэтому тем, кто после чтения не закрывал застежки, сулилось древнее проклятие.

Удивительные экземпляры небольших по формату печатных книжечек хранятся в Отделе редкой книги и рукописей ГПНТБ СО РАН. В книжечках очень маленького формата имеются выходные данные: «Типография забайкальца Спиридона». Отпечатаны эти издания были в селе Никольском (Забайкалье, Бурятия) старообрядцем Спиридоном Константиновичем Ерофеевым. Сотрудник отдела В. Н. Алексеев назвал подвигом, сравнимым с подвигом Ивана Федорова, то, что Ерофеев сам, своими руками, создал свою типографию и печатал в ней книги высокого издательского уровня. Старообрядческие типографии занимались не только тиражированием, но и книготворчеством, что выражалось не только в «варьировании состава богослужебных книг

(Псалтирь, Часовник, Канонник, Устав о христианском житии), а порою и не богослужбных (например, Страсти Христовы), но и в составлении компилятивных сборников самими типографиями» [7, с. 120].

Распространение старообрядческой книги шло также через торговлю и коллекционирование. Но несравнимую по значению с этими путями роль играли старообрядческие библиотеки. Библиотеки старообрядцев хранили традиции старых русских библиотек. Главными организующими качествами в старообрядческих книжных собраниях были сохранение, упрочение и распространение средневековой традиционной морали, абстрагирующего и этикетного эстетического восприятия мира и упрочение всех элементов «древлецерковного благочестия», связанного с невоспроизводимой более официальным путем книгой, единственной хранительницей догматов и традиций старой веры. Это уже заведомо предопределило как миграционные процессы в книжной старообрядческой среде, так и книгоделание [10, с. 129].

Особенность старообрядческой библиотеки состояла в том, что ее границы были размыты, она была рассыпана по читателям-хранителям. Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, постоянная борьба за выживаемость не позволяла создавать единые, крупные библиотеки, которые привлекли бы внимание властей, а рассыпанные по читателям-общинникам они надежно были спрятаны от чужого взгляда. Другая причина заключалась в функциональном значении книги, которое она имела в том или ином старообрядческом согласии. Книга выступала одним из стержней, скрепляющих данное согласие, как «цементирующий его материал»: ею могли пользоваться все без исключения члены общины, даже если они были расселены на большой территории. «...Книга, по мнению представителей сибирского старообрядчества, не может лежать втуне, она должна постоянно читаться – ведь наставник и даже простой грамотей-старообрядец прекрасно сознают, что при помощи книги они воспитывают единомышленников. Функционирование книги для старообрядцев было важнее ее хранения “при себе”. Они достаточно легко расставались с книгой, если были убеждены в том, что отдадут ее в надежные руки. Границы библиотеки, таким образом, размывались еще больше» [10, с. 127].

Благодаря высокому статусу книги грамотность в старообрядческой среде была очень развита, более того, она была намного выше грамотности никониан, что многократно отмечали исследователи прошлого [18, 12, 15, 20]. Встречались семьи поголовно грамотные. Безусловно, в репертуар чтения старообрядца или общины входили книги строго религиозного содержания, выдержанные в требованиях того или иного согласия. Чтение светской литературы не поощрялось, а в некоторых согласиях отвергалось совершенно, вследствие чего, наряду с высокой грамотностью, образованность основной крестьянской массы была недостаточной. Обучение грамоте и воспитание веры поддерживалось учителями, которые обучали своих сообщников (и детей и взрослых) церковно-славянскому языку и чтению, как правило на основе традиционной книги Псалтири. Тем не менее со временем средневековая и православная книжная культура старообрядцев «постепенно трансформируется за счет расширения сферы чтения. Старообрядцы обильно цитируют современные им книги, отнеся их к “внешней мудрости” и критически “рассмотря”» [9, с. 112].

Старообрядческая книжная культура является книжно-учительным типом культуры, который определяется особым местом Книги в нравственном становлении человека [9, с. 92]. В связи с тем, что церковно-славянский язык был близок русскому языку, проникновение христианской культуры было облегчено. Через чтение духовной книги старовер приобщался к общехристианской культуре, и особенно к ранневизантийской. Чтение Священного писания или другой душевспасительной книги требовало внутренней работы, вживания в библейский космос, поэтому чтение превращалось в особый ритуал, с помощью которого человек мог связаться с сакральными смыслами и отношениями.

Чтение было обязательным, так как это давало душевное здоровье. Каноническая литература принадлежала не к конкретному историческому времени, а «духовному телу человечества». «Книга была святыней в своей вещности, например, напрестольное Евангелие. В данном случае она являла собой материализацию таинственных сил. Чтение книг для старообрядцев означало вхождение в живую духовную традицию» [1, с. 170]. Чтение для старообрядца не было развлечением, оно было священным. Круг чтения определяли: Евангелия, минеи, псалтыри, жития, повести, прологи, хронографы, торжественники, изборники, маргариты, златоусты, сборники и т. д.

Однако, несмотря на то что книга была предметом особого почитания во всех согласиях без исключения, тип чтения зависел от особенностей формирования того или иного согласия. Тип чтения определяется некими общими для всех согласий и одновременно специфическими для каждого из них принципами подхода к чтению и отбору книг [9, с. 95]. Серьезное исследование конфессиональной и региональной специфики репертуара чтения посвятили Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев [9]. Более чем тридцатилетний опыт работы позволил авторам сделать некоторые обобщения по данной проблеме, что важно для исследователей не только старообрядческой книжности, но и других аспектов старообрядческой культуры, ибо книжная культура питала сами основы мировоззрения старообрядчества. Поэтому учет конфессиональной специфики представляется очень важным. Поповские согласия владели полным набором старопечатных книг, их заботило наличие всего «круга книг», необходимых для Богослужения, книги старопечатные довольно просто замещались новопечатными, рукописи в общинах поповцев не встречались, за исключением нескольких небольших полемических сочинений (типа писем, вопросов и ответов), духовных стихов и служебных книг нового письма. Наиболее современное отношение к книге в австрийском согласии начинает наблюдаться с начала XX века, оно утрачивает специфически старообрядческий колорит; широко издаются «церковно-общественные», «исторические и повествовательные», нравоучительные статьи, рекомендуются в качестве чтения произведения по истории раскола и старообрядчества, написанные с положительной точки зрения. Книга в беспоповских согласиях занимает едва ли не главное место – она выполняет роль духовного окормителя. В связи с этим беспоповцы уделяют особое внимание сочинениям, содержащим описание самого акта чтения, следуя в этом традициям древнерусских книжников, хорошо известных по Измарагду, Златой цепи, Маргариту, многочисленным учительным сборникам. «Это превосходные, исполненные в жанре классических аллегорий “этюды” о чтении как абсолютной ценности Бытия. Составитель поморского старообрядческого “Цветника” начала XVIII в., например, цитирует один из известных в древнерусской книжной традиции вариантов аллегории: чтение–рай» [9, с. 102]. Часто в беспоповской поздней рукописной традиции встречаются Поучения и Слова на тему «книжного почитания» со ссылками на древнерусские сборники. «Книга является старообрядцам в разных ипостасях: она – очи духовные, разумное видение, податель добродетели, услада знания, кормчий в путешествии по морю житейскому и пр. Чтение же служит одним из средств духовно-нравственного совершенствования, при помощи которых Царство Божие, как царство духовное, воздействует на мирское устройство. ...Старообрядцы-беспоповцы сознают, что книга надежно обеспечивает их «самовластью души» «заграду верой». В этом собственно сила и слабость такого культурного индивида...» [9, с. 102–103]. Огромное значение чтения и переписки книг для беспоповских согласий подчеркивалось тем, что это была почти единственная возможность сохранять единство согласия, рассеянного на большой территории, не имевшего духовной иерархии и опиравшегося на святоотеческие нормы.

Книжный характер духовного образования в старообрядчестве, особенно в беспоповских согласиях, в то же время ставил определенные проблемы, как перед читателем, так и перед духовными наставниками – руководителями общин согласий. Трудности эти

были связаны с той древней книжной традицией правильного восприятия текста, когда истина мыслилась в единстве сакральной формы и сакрального содержания, и любая интерпретация была недопустима. Ситуация, когда человек оставался один на один с сакральным текстом, таила в себе определенную опасность искажения истины вследствие неверного толкования смысла того или иного символа. Неслучайно в связи с этим очень осторожное отношение прежде всего к Библии, сплошь аллегоричной и насыщенной священными символами. В некоторых беспоповских согласиях ее чтение даже запрещалось, особенно охранялся Ветхий Завет, прочтение которого могло привести не просто к непониманию смысла, но и к искажению истины, а следовательно, и к ереси. Собственно все христианские ереси проистекали отсюда же. Наставники беспоповских согласий с тревогой отмечали многочисленные разноречия в мнениях при чтении священных книг, и не только Библии, так как любое разноречие могло произвести раскол внутри самого согласия. Простые члены разных беспоповских старообрядческих общин, особенно по какой-то причине оторванные от них, не раз делились с исследователями старообрядческой книжности своей тревогой и боязнью оставаться наедине с книгой, требующей «высокого разумения», но всегда при этом тянулись к ней. «Поэтому, наверное, в рукописной традиции беспоповцев такое внимание уделяется проблеме учительства, как способу самому действенному регламентировать чтение через “умное знание”» [9, с. 104].

Однако книжная культура немислима без ее связи с устной культурой, эта связь глубока и изначальна. Книжная культура в отношении устной играет генерирующую функцию, так как связана с генезисом многих устных форм, здесь более всего прослеживается их взаимосвязь и взаимопроникновение. Устная культура, в свою очередь, «постоянно пропитывается своими элементами практически все жанры письменной книжной культуры. Так осуществляется адаптация книжной культуры народным представлениям» [16, с. 160]. С XVIII в. своеобразное соединение двух форм культуры – устной и письменной – продолжало жить и интенсивно развиваться в среде старообрядчества. Ярким примером служит тот факт, например, что старообрядцы на дыбе цитировали христианских писателей целыми страницами. Особую роль в адаптации книжной традиции в народном сознании играли духовные стихи, находящиеся на скрещении культур. Наблюдения ученых над устным репертуаром нескольких старообрядческих регионов с различной сохранностью книжной традиции показывают: чем сильнее письменная традиция, тем меньше контаминаций и пересказов текстов даже при явном угасании устных форм бытования. Это свидетельствует о несамостоятельности устной традиции, о том, что ход эволюции и разрушения устных текстов определяется состоянием традиции письменной. Пока еще чувствуется власть книги, вольностей по отношению к ней не допускается. Если забыт текст (при отсутствии книги под рукой), то он не пересказывается [17, с. 157]. Там, где угасла письменная традиция и оказалась потерянной связь с книгой, стихи пересказывались. Многочисленные экспедиции в традиционные старообрядческие регионы показали, что устная традиция старообрядчества в жанровом отношении богаче нестарообрядческой. Выделены следующие жанры старообрядческой устной культуры: литургика, молитвы, духовные стихи, легенды о Святых, апокрифы, рассказы о чудесах с иконами, обмирания, календарные песни (жнивные), щедровки (колядки), свадебные песни, лирические песни, баллады, жестокие романсы, «последние» песни, хороводные, плясовые, частушки, шуточные, колыбельные, былички, заговоры, тексты толкований житий, фрагменты народного театра [16].

Угасание книжной традиции приводит к упадку религиозных догматических представлений. В тех регионах со старообрядческим населением, где уровень книжной культуры невысокий, отмечается превалирование не только устных форм культуры, но и неглубокое, весьма поверхностное представление о догматических основах христианского вероучения в целом, а также о канонических положениях своего согласия и

отличиях его от других, в частности. Как правило, аргумент в защиту веры таков: как наши отцы верили, завещали нам, так и мы верим и следуем – в таком случае авторитет отеческих установлений – единственная опора уверенности в правильности своей веры. Там же, где книга продолжает выполнять свое высокое предназначение, религиозное мировоззрение староверов отличается большей глубиной и широтой, вера подкреплена знанием. Это, в свою очередь, придает им непоколебимую уверенность в своей правоте, так как подкрепляется она опорой на предания не только своих предков, но и, прежде всего, отцов Церкви.

Современным староверам, также как и представителям официальной православной Церкви, приходится в повседневной жизни сталкиваться с различными религиозными сектами и их добровольными проповедниками. Например, частые споры происходят с представителями секты Иеговы, которые наиболее рьяно проповедуют свои воззрения и считают себя весьма эрудированными в сфере знания Библии. Хорошо начитанному и подготовленному староверу не составляет большого труда в течение нескольких встреч если не переубедить (бывают случаи оставления секты и перехода в старообрядчество, причем не только этой секты), то, по крайней мере, выиграть преимущество в споре, опираясь на ту же Библию. Доказательством таких побед старовера является прекращение подобных посещений старообрядцев со стороны сектантов, ощутивших свою догматическую слабость перед мощной многовековой традицией. Так что и в наше время владение книжной культурой помогает современному староверу выстоять в идейной борьбе с другими конфессиями.

Таким образом, опираясь на древнюю идейную традицию иконической природы Слова, старообрядцы любили и ревностно защищали книгу от любого посягательства (книга и икона почитались в равной степени), благодаря чему сохранили и донесли до нас старую книгу. Старообрядцы, эти «грамотеи-книжники», выступают как учителя, проповедники, археографы, библиографы, палеографы, типографы, историографы, библиотекари-коллекционеры. Все это свидетельствует о высоком уровне развития книжной культуры старообрядчества.

Литература

1. Бахтина О. Н. Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) // Мир старообрядчества: сб. науч. тр. – М.: РОСПЭН, 1998. – Вып. 4. – С. 166–171.
2. Бахтина О. Н. Традиции древнерусской литературы в старообрядческой книжности (проблема символического слова) // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. науч. конф. / Новосибир. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – С. 147–160.
3. Беляева О. К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: сб. ст. / под ред. Д. С. Лихачева. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 9–16.
4. Бочкарев А., Бородихин А. Кто достанет книгу со дна // Алтайская правда. – 30 июля. – 1994. – С. 3.
5. Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. – СПб., 1995. – 435 с.
6. Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи // О литературе: Исследования. Статьи. – М., 1990. – С. 334–346.
7. Вознесенский А. В. Типографская деятельность и книжная культура старообрядцев // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 120–124.

8. Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. – М.: Церковь, 1996. – 317 с.
9. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. науч. конф. / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – С. 91–120.
10. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Старообрядческие библиотеки в Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 125–130.
11. Дутчак Е. Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX–XXвв.): дис... канд. истор. наук. – Томск, 1995. – 276с.
12. Костомаров Н. И. Раскол: историческое монографическое исследование. – М.; Смоленск, 1994. – 606 с.
13. Краткая история старообрядческой церкви // Старообрядческий церковный календарь. – М., 1989. – С. 86–100.
14. Кутузов Б. Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия? // Церковь. – 1992. – № 1. – С. 43–51.
15. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее: очерк. – СПб.: Тип. Тиханова, 1892. – 467 с.
16. Никитина С. Е. Исследование устной культуры старообрядчества: итоги и перспективы // Мир старообрядчества: сб. науч. тр. – М.: РОСПЭН, 1998. – Вып. 4. – С. 30–36.
17. Никитина С. Е. О взаимоотношении устных и письменных форм в народной культуре (на материалах полевых исследований старообрядчества) // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1989. – С. 149–161.
18. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в.: Очерки из новейшей истории раскола. – М., 1904. – 281с.
19. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М.; Иерусалим: «Мосты», 1994. – 234 с.
20. Старообрядец: Старообрядцы и книга // Алтайский крестьянин. – 1914. – № 10. – С. 9.
21. Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII в. // Успенский Б. А. Избранные труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 333–367.